



З. Г. Аминев

Институт гуманитарных исследований Республики Башкортостан



## О РЕЛИКТЕ КУЛЬТА ГОР У БАШКИР

## ON THE MOUNTAIN WORSHIP OF BASHKIR PEOPLE



### Abstract

The article is dedicated to one of the relicts of the Bashkirs' pre-Islamic world-outlook – the cult of mountains. In the work there are considered ethnic specifics of this cult among this nation, which has been formed and is living up to now in the South Urals. As a material reverberation of the cult of mountains among Bashkirs there became *karasky* – a construction of stones in the shape of pyramids, pillars, piled up in a definite order. These stone constructions of Bashkirs served as the way of sacralization of the space and reflected their mythological images about the Universe, personified in the image of “World Mountains”. At the presence of the cult of mountains among the Bashkirs there specify numerous toponyms on the territory of the South Urals on the base of the word *Yjyk*, which firstly meant among all the Turkic people sacred mountain. In the conclusion there is given an inference about etymological and semantic proximity and even identity of Bashkirs' *karasky* and similar stone structures among many Turkic and Mongolian people of Eurasia.

### Key Words

Cult of mountains, pre-Islamic outlook of the Bashkir people, a picture (model) of the world, *karasky*

### Özet

Bu makale, Başkırtların İslamiyet'ten önceki dönemde inanç dünyasının unsurlarından olan *dağ* kültü (dağlara tapınma) hakkındadır. Makalede, bu kültün Güney Ural'da doğan ve hâlâ orada yaşayan halk üzerindeki etnik özellikleri incelenmektedir. Belli bir düzenle kurulan piramitler, sütun şeklindeki *karaskı* denilen yapılar, Başkırtlardaki dağ kültürünün maddî yansımasıdır. Bu taş yapılar, Başkırtlar için sahayı kutsallaştırma hizmetini görmüş ve onların, “Dünya dağı” tipinde cisimleşen Evren hakkındaki mitolojik görüşlerini tasvir etmiştir. Başlangıçta bütün Türk soylu halklarda kutsal dağ anlamına gelen “Iyık” kelimesi esasında meydana gelen Güney Ural'daki birçok toponim Başkırtlarda dağ kültü olduğunu göstermektedir. Makalede, Başkırt *karaskı*larının ve Avrasya'nın birçok Türk soylu halklarında ve Moğollardaki benzer taş yapıların etimolojik ve semantik bakımdan yakın ve hatta aynı oldukları ortaya çıkmıştır.

### Anahtar Kelimeler

Dağa tapınma (dağ kültü), Başkırtların İslamiyet öncesi önceki dünya görüşü, *karaskı*

Каждый народ обладает собственной, не похожей ни на какую другую, уникальной культурой. И у каждого народа имеется только ему присущий особый взгляд на мир, на место в нем как отдельного человека, так и общества в целом. В последние годы ученые-культурологи уделяют особое внимание этому феномену, который они называют «картиной мира», используя иногда такие словосочетания, как «модель универсума», «образ мира», «модель мира» и др. «Картина мира» каждого народа вырабатывается и шлифуется веками.

Башкиры, несмотря на то, что давно приняли ислам и являются народом, принадлежащим к мусульманской культуре, до сих пор сохраняют многое из того, что называется «доисламская культура», «доисламское мировоззрение». Современный башкирский народ, по мнению историков, сформировался на базе ираноязычных сармато-аланских, финно-угорских и различных тюркоязычных племен. Первые письменные упоминания о башкирах как о народе восходят к IX–X вв. Считается установленным, что формирование башкирского народа происходило на Южном Урале и прилегающих к нему землях. Природа Южного Урала находит отражение в «картине мира» башкирского народа. Можно сказать, что башкирская культура и менталитет пронизаны Уралом.

По поводу роли и места Урала и прилегающих земель в жизни башкирского народа известный российский историк, специалист по этногенезу башкир член-корреспондент РАН Р. Г. Кузеев в одной из своих работ справедливо отметил: «Какие бы термины не использовались для обозначения башкир – коренных жителей республики и более обширного региона, – общественность сознает, что башкиры живут на своей исторической родине. Невозможно также не учитывать, что восприятие этого факта обыденным сознанием представителей башкирского этноса необычайно глубокое; оно нашло отражение во всех слоях богатой традиционной духовной культуры башкир. Развитие башкирской нации в указанном направлении будет постоянным» [8, с. 143].

Башкиры по языку принадлежат к огромному тюркскому миру и живо интересуются всем, что происходит в нем. Являясь народом, относящимся к тюрко-исламской культуре, башкиры в то же время понимают и свое отличие от остальных тюрков в культуре, языке и не желают утрачивать это в угоду исламу или всему тюркскому. Мусульманство, тюркизм, принадлежность к российскому государственному образованию и этническая идентичность у башкир вот уже несколько веков мирно уживаются, не мешая и не затрудняя совместного сосуществования.

Несмотря на участие в этногенезе башкир множества племен, относящихся к разным этническим мирам (индоиранский, тюркский, финно-угорский), мировоззрение, этническая картина мира, сформированные мифосознанием башкир, отличаются целостностью и единством, что обусловлено, по мнению многочисленных исследователей традиционной культуры, тем, что совокупность обычаев одного народа всегда отмечена каким-то стилем [14, с. 3], что «...нет такой ранней поры, когда человечество питалось бы обрывками или отдельными кусками представлений. В самые первые эпохи истории мы застаем человека с системным восприятием. Как в области материальной, так и в общественной и духовной, первобытный человек с самого начала системен, и в этом его коренное отличие от стадного животного. Чем древней культура, тем больше в ней внутренней связности, неподвижности, замкнутости» [15, с. 29], что традиционное мировоззрение не может объяснять мир бесчисленным количеством причин и допущений [12, с. 27; 14, с. 9, 11]. Мировоззрение, религиозные представления башкир не могут быть хаосом взглядов, обычаев, обрядов, а образуют систематизированную картину бытия,

подчиненную определенной идее, объясняющей устройство мира, человеческого общества и место самого человека как в мире, так и в социуме.

В традиционной культуре башкир до сих пор сохраняются реликты культа гор. На господствующих горных вершинах в Зауралье башкирское население до наших дней в честь духов гор и местностей складывает из камней достигающие иногда нескольких метров сооружения в виде столбов, колонн, маленьких куч и горок, которые они называют «караски».

Согласно информаторам, их в настоящее время складывают пастухи. Сами же пастухи, сооружающие караски, не могут объяснить их предназначения, ссылаясь на традицию, что так делали до них старики. Опрос русских, живущих среди башкир, показал, что караски возводятся только башкирами. Тщательный опрос чуть ли не всех взрослых жителей близлежащих башкирских аулов позволил установить, что караски сооружались только духам гор и земли-воды (ер-һыу), и только на своей территории. Как сообщила информатор М. Баймухаметова (1923 г. рожд.) из деревни Баиш Баймакского района Республики Башкортостан, раньше караски складывали дивана/«юродивые дервиши», которые объясняли это тем, что каждая местность имеет своих духов-владык (по-башкирски 'эйәләр'), которым требуется возведение таких каменных сооружений – караски. Она слышала это еще в юности, до второй мировой войны от диваналар, которых раньше у них в округе было очень много. Другой информатор, С. С. Хайбуллин (1923 г. рожд.), башкир рода бурзян из аула Татлыбай того же района, сообщил то же самое, а также добавил, что раньше до второй мировой войны старики каждый год весной в мае месяце (в середине месяца) подымались на вершину горы, где стояли караски и совершали там жертвоприношение: резали барашков (по-башкирски 'кускар тәкә'), читали суры из Корана. Этот же информатор пояснил, что каждая местность имеет своего эйә/«хозяина-владыку». Такие же сооружения в виде насыпей, куч, колонн, пирамид, сложенные из камней различной величины, можно встретить в разных районах Республики Башкортостан и сопредельных территорий, где проживают башкиры. Во многих из них население уже не знает каких-то специальных терминов, обозначающих эти сооружения. Называют их просто «әйәм», «уба», что на русский язык переводится как 'куча'. Традиционным занятием местного башкирского населения в Зауралье до революции 1917 г. было скотоводство и частично земледелие. Почва в этих краях каменистая, плодородный слой очень тонкий и постоянно дующие в межгорьях ветра при распашке выдувают плодородный гумус, поэтому места здесь мало приспособлены для занятия земледелием и относятся к зоне рискованного земледелия. В связи с чем башкиры здесь в основном занимались скотоводством. У аула Татлыбай Баймакского района Республики Башкортостан на вершине ближайшей к аулу горы возвышаются пять караски, построенных в линию и одна из них (третья по счету, то есть средняя) выше, чем остальные, и имеет сквозное отверстие. Функциональное назначение этого отверстия выяснить не удалось, со слов местного населения, «так было всегда». Согласно информаторам, раньше, еще в довоенные годы, у этих караски весной, где-то в мае месяце, совершались жертвоприношения. И мясо жертвенных баранов съедалось всеми вместе во время пиршества после прочтения молитвы с просьбой здоровья всему роду, мира и спокойствия стране в целом, изобилия в травах, урожая зерновых и преумножения скота и т. п. Можно предположить, что пять караски у аула Татлыбай как бы символизируют четыре грани мира с сакральной серединой, которую символизирует третья, (средняя) более высокая, чем остальные, колонна. На эту мысль наталкивают формы некоторых караски в виде четырехугольных сооружений довольно больших размеров. Такой караски, каждая из сторон

которого примерно метров в шесть, находится на вершине горы Кынгыр-таш между аулами Карышка и Баиш Баймакского района Республики Башкортостан.

Караски, сооружаемые на вершинах гор башкирами, семантически близки с воздвигаемыми алтайцами каракшы, сооруженными из камней знаками, которыми они отделяли друг от друга свои родовые земли и пастбища [11, с. 14]. Алтайцы до сих пор останавливаются у каменных кладок на высоких горных перевалах, у целебных родников и совершают там обряд поклонения родным местам, преподносят духам местности ритуальную еду [7, с. 253].

Башкирские караски и алтайские каракшы идентичны не только по внешней форме, но и практически созвучны, а замену звука «с» на «к» можно объяснить контаминацией. Такая закономерность для башкирского языка не чужда, например, азбар/абзар ('сарай'), тукта/тутка ('стой') и т. п. В современном литературном башкирском языке слово «караски» в первоначальном значении 'стража' уже не применяется, а используется только в значении 'чучело', 'пугало', которые ставят в огородах и садах для отпугивания птиц от грядок, то есть эти огородные караски выполняют функции стража. Этимология слова «караски» восходит к слову «карау» 'смотреть', 'наблюдать', 'охранять'. В этом значении данное слово в варианте «каракшы» бытует у соседей башкир – в казахском, каракалпакском языках, где означает 'стража', 'стражник'. В варианте «караша», в смысле 'ханская стража', это слово встречается в ногайских эпосах XIV–XV вв. [13, с. 82].

Алтайские каракшы и башкирские караски близки и по семантике этих сооружений. Также как и алтайцы, башкиры, воздвигая на вершинах гор караски, посвященные духам их родовых местностей, и совершая вблизи них жертвоприношения, надеялись получить от них отдачу в виде надежной охраны своей родовой территории. Известно, что в этом же значении использовались у центральноазиатских монголов, бурят, тувинцев обоо. По этому поводу, специалист по монгольским народам Н. Л. Жуковская писала, что обоо сооружались из камней в виде кучи, колонн, столбов на перевалах, вершинах гор с целью заручиться сакральной поддержкой того сонма духов, которым была подведомственна территория данного человеческого коллектива [5, с. 128]. По мнению большинства ученых, обоо восходят к древнейшим представлениям о Вселенной, воплощенных в образе Мировой Горы, и связаны с развитием в традиционных культурах Центральной Азии и Южной Сибири культа гор [6, с. 115-125; 3, с. 175; 10, с. 130].

Обоо устанавливаются как на вершинах холмов, возвышающихся в степях и горных долинах, так и на горных перевалах, в наиболее опасных местах, а также на дорогах, у истоков рек и источников. По своей структуре эти культовые сооружения имеют достаточно существенные различия. На перевалах, тропях, у источников обычно сооружались одиночные насыпи, символизировавшие пребывание духа-хозяина конкретного места, в котором люди бывают периодически. Обоо, посвященные «хозяевам» значительных территорий, где люди живут постоянно, представляют собой достаточно сложные комплексы. В степных просторах Бурятии чаще всего они состоят из 12 невысоких конических каменных насыпей, образующих круг, в центре которого возвышается более высокая насыпь, с укрепленным в ее центре высоким деревянным шестом, завершающимся изображением птицы. Эти насыпи символизируют самые высокие горы региона и их духов-хозяев, покровителей всей Бурятии, а центральная, самая большая, олицетворяет мифическую гору Сумбер [1, с. 73]. В конце июня буряты Восточного Саяна возле обоо ежегодно проводили праздничные мероприятия обоо-тахилха («жертвоприношение»), где принимали участие все жители местности, которая в символической структуре всего пространства района

принадлежала данному культовому комплексу. Обоо-тахилха относится к категории календарных праздников. В представлении современных жителей района он завершает осенне-зимний сезон и открывает весенне-летний, что связано с перекочевкой на летние пастбища. Его целью было испрашивание у «хозяев» гор благополучия: здоровья, хорошего травостоя, избавления от болезней и эпизоотий, хорошего приплода скота и т. п. Символический «рисунок» ритуала включал весь комплекс обрядовых действий, направленных на обновление мира, его новое обустройство, поддержание созидательных космических сил, и в частности живительной силы солнца [10, с. 132-133].

Аналогичный способ сакрализации пространства путем воздвижения каменных сооружений, повторяющих по форме монгольские обоо или башкирские караски, зафиксирован в Средней Азии, у этнически близких башкирам тюркоязычных каракалпаков [4, с. 362-366]. В частности, на территории Республики Каракалпакстан в Узбекистане в урочище Султан-Бобо есть почитаемое место – искусственно сооруженная на скальном выступе огромная груда камней, увенчанная шестью с повязанными обетными тряпицами – обо [9, с. 129]. К сожалению, из текстов названных авторов не совсем ясно: сами ли каракалпаки называют эти груды камней обо, или же их так обозначили исследователи, обнаруживая параллели с монгольскими обоо не только во внешней схожести, но и во внутренней семантике.

В башкирском языке имеется созвучное с обоо слово «уба», имеющее несколько значений. На русский язык, смотря по контексту, уба можно перевести как 'холм' или 'куча'. Башкирское слово «уба» и центрально-азиатские «обоо», «обо», «ово» имеют, как нам кажется, единое происхождение. На такую мысль наталкивает проведенное К. К. Юдахиним исследование слова «обоо», которое у памиро-алайских киргизов означает 'холм, кучу из камней, груду камней' – как жертвоприношение духу гор. Известный исследователь истории и культуры киргизского народа С. М. Абрамзон считает, что киргизы высокогорного Памиро-Алая обоо сооружали на вершинах гор, на перевалах и приносили там жертвы хозяевам мест. Возле этих обоо водружали высокие шести, на которых вешали различные тряпицы, пучки шерсти, нитки, хвосты яков, лошадей. Рядом с обоо складывали черепа горных баранов и козлов [2, с. 319].

На наличие в прошлом у башкир культа гор указывают также выявленные нами на Южном Урале и прилегающих территориях многочисленные топонимы Ыйык, Ыйык-тау. По данным наших информаторов, раньше, до второй мировой войны ранней весной всей деревней шли к этим горам (Ыйык) молиться, читали там молитвы, резали барашков и совершали другие жертвоприношения. На вершинах этих гор также имелись каменные сооружения в виде куч, пирамид и колонн. У некоторых из этих куч, колонн и пирамид были раньше воткнуты длинные палки, шести, к которым привязывали различные лоскутки, тряпицы, платочки, пучки шерсти, клали монеты. Информации об Ыйык мы встречаем и в материалах башкирского фольклора: Ыйык башы – йыл башы//Яйык башы – юл башы. По данным информаторов, Ыйык – это священная гора и поэтому туда просто так, без нужды старались не подниматься. Об этом упоминается и у известного русского ученого XVIII в. И. И. Лепёхина, которому во время путешествия по Башкирии захотелось подняться на вершину священной для башкир горы Тора-тау в нынешнем Ишимбайском районе Республики Башкортостан. Однако, как пишет И. И. Лепёхин, он долго не мог найти среди башкир провожатого, желающего пройти вместе с ним на вершину этой горы. Свое нежелание идти в гору башкиры объясняли тем, что «не время», то есть на

вершину данной горы местные башкиры поднимались только в определенное время года, ранней весной для совершения общественных молений.

Опираясь на вышеизложенные факты можно сказать, что обнаруженные нами в башкирском Зауралье каменные сооружения караски являются реликтовыми отголосками бытовавшего у башкир культа гор и имеют ту же семантику, что и у тюркоязычных народов Саяно-Алтая.

### Литература

Абаева, Л. Л. (1992). *Культ гор и буддизм в Бурятии*. М.

Абрамзон, С. М. (1990). *Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи*. Фрунзе.

Дьяконова, В. П. (2001). Алтайцы. Горно-Алтайск,.

Есбергенов, Х. (1984). «Обо» в Каракалпакии и их этнографические параллели. *Фольклор, литература и история Востока*. Ташкент, С. 362-366.

Жуковская, Н. Л. (1986). Пространство и время в мировоззрении монголов. *Мифы, культы и обряды народов Зарубежной Азии*. М. С. 118-134.

Кагаров, Е. Г. (1927). Монгольское «обо» и их этнографические параллели. *Сборник МАЭ*. Т. VI. - Ленинград. С. 115-124.

Казагачева, З. (2002). *Алтайские героические сказания «Оча-бала» и «Кан-Алтай»: Аспекты текстологии и перевода*. Горно-Алтайск.

Кузеев, Р. Г. (1993). Национальные движения в прошлом и логика их современного развития. *Россия и Восток: проблемы взаимодействия*. Ч. 1. М., . С. 129-147.

Лобачева, Н. П. (2004). Этнографический экскурс из экспедиционного прошлого. *Полевые исследования Института этнологии и антропологии*. 2002. М.

Павлинская, Л. Р. (2007). Обоо в культуре народов Восточных Саян: жизнь традиции во времена перемен. *Радловский сборник*. СПб., . С. 130-134.

Полосьмак, Н. В. (1994). «Стерегищие золото грифы». Новосибирск.

Сагалаев, А. М. (1991). *Урало-алтайская мифология*. Новосибирск: Символ и архетип.

Сикалиев, А. И (1994). - М. *Ногайский героический эпос*. Черкесск.

*Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири*. Новосибирск, 1988.

Фрейденбург, О. М. (1998). *Миф и литература древности*. М.

